

Тебя убьет не тот медведь,
которого ты видишь.

Эскимосская пословица

Ты со мною прощался,
И снег был похож на цветы,
А сегодня вернулся,
И цветы так похожи на снег.

Фань Юй, V век н.э.

Глава 1

Каждое утро, идя на работу, я смотрю на лица людей, спешащих мне навстречу, и думаю — может быть, кто-то из них только что записался ко мне на прием. И завтра или через пару дней придет, чтобы рассказать обо всем плохом, что произошло у него в жизни за последнее время. За месяц, за год, за пятнадцать лет. Время идет так быстро и с такой разной скоростью, что иногда трудно уследить за происходящим. Вроде только что окончила школу, ты еще никак не можешь почувствовать себя взрослой, а вчера отпраздновали тридцать лет. Недавно покупали сыну первый велосипед и прикрепляли маленькие колесики, чтобы он не упал, а сегодня сын, смущаясь, спросил, надо ли ему сбривать пробившиеся над детской еще губой темные усики или немного подождать. Пока ты думала, что ответить, у сына выросла борода и появилась девушка, которая лучше знает, надо ли ему брить усы или лучше ходить похожим на нарядного дикобраза — девушка подарила ему оранжевую бандану и разноцветные носки, а ты ничего не можешь поделать — жизнь летит вперед, не ждет, пока ты сама повзрослеешь и помудреешь.

Я стараюсь рассуждать как можно более общо, представлять, что мне не тридцать восемь, а, скажем, две ты-

сячи триста восемьдесят восемь, и я знаю всё, что было и что будет, что прошло и что еще не началось, все тайные причины человеческих бед и страданий. А иначе я сама сойду с ума, каждый день выслушивая истории моих посетителей — про усы, велосипеды, невест сына, свекровей, соседей, начальников и самих себя, потерявшихся в бурном потоке жизни. Некоторые из них считают себя моими пациентами — но я не врач в собственном смысле слова, и по образованию, и в обычном понимании — «прием — диагноз — таблетка».

Некоторые называют себя «клиентами». Но я не продаю услуги. И не считаю то, что я делаю, «услугой». Ничего плохого в этом старом русском слове нет, у глагола «услужить» даже есть приятный, добрый смысл. «Хочу чем-нибудь тебе услужить...» И слышишь — «помочь, сделать хорошее». Но сегодня в слове «услуга» слышится что-то приниженное, бытовое, сиюминутное, дешевое по сути своей.

Я работаю в кабинете бесплатной психологической помощи, открытой усилиями нашего городского главы. Говорят, что его первая жена когда-то выбросилась в окно, потому что не смогла пережить неизлечимой болезни обоих детей и их ранней гибели, одного за другим. Так это или нет, но первое, что он сделал, когда стал управлять городским округом, — предложил открыть несколько таких кабинетов и по конкурсу пригласить туда работать.

Я увидела в Сети объявление, слегка удивилась — довольно необычное предложение, и решила попробовать. Мое образование дает мне эту возможность. Конкурс был, но совсем небольшой, потому что требовалось иметь высшее психологическое образование, диплом гособразца и опыт работы с людьми не менее семи лет. Зарплата предлагалась по меркам нашего города неплохая, но очередь, мягко говоря, не выстроилась. В результате из пяти обещанных центров открылись три, два вскоре закры-

лись, наверное, глава не успевает следить за всем происходящим в нашем городе и всех относящихся к нему теперь поселках, селах и деревнях. А мой кабинет остался работать, и мне неожиданно понравилась новая работа, поглотившая меня полностью.

До этого я преподавала психологию в нашем университете, любила свою профессию и никогда не думала, что появится что-то, что заставит меня уйти с кафедры и перестать читать лекции и вести семинары. Но потом на наш факультет назначили нового декана и... многое в моей жизни изменилось, скажем так.

— Ольга Андреевна, на двенадцать мужчина не придет, можно мне с вами поговорить? — В дверь заглянула моя секретарь Юлечка.

Юлечка проходила практику в нашем кабинете в качестве стажера, она учится на психолога уже шестой год, время от времени уходя в академический отпуск. Работать у меня ей понравилось, она задержалась здесь, я подозреваю из-за того, что я помогаю ей разобраться в ее запутанной личной ситуации.

Она состоит в том, что Юлечка беззаветно любит смазливового мальчика, которого нужно встряхнуть, отобрать у него машину, деньги, большую часть ненужной одежды, все украшения и лишние игрушки и заставить пойти работать хотя бы три раза в неделю. Но Юлечка его любит и ничего поделаться с собой не может. Видит что-то свое. Терпит, страдает, возмущается и любит.

Как можно любить нечто очень жалкое, ничтожное, не имеющее воли, цели, совести? А если у этого нечто — симпатичное личико, длинные ровные ноги и очаровательная улыбка? Спросите у мужчин, они большие специалисты в том, как выбирать себе любовь по экстерьеру, не заглядывая внутрь, точнее, наполняя нутро по своему воображению. Красивая — значит, хорошая. Гармония мира — внутри нас, и нам очень трудно с этим

что-то поделать. Так я объяснила однажды Юлечке, и она услышала в моих словах что-то приятное для себя.

— Да, заходи, конечно.

— Ольга Андреевна... Он вчера ночью поставил фотографию вот с такой подписью... — Она протянула мне телефон.

«Ожидая тебя, мой малыш» — было написано по-английски под фотографией довольно молодого, но уже очень потрепанного жизнью человека. Как-то в прошлый раз он выглядел получше... Может быть, обработал ту фотографию — убрал второй подбородок, мешки под глазами, обвисшие щеки. И не такой уж он очаровательный, оказывается.

— Это строчка из песни, — стала быстро объяснять Юлечка, — но я понимаю, что он что-то имеет в виду. Как вы думаете, кому он это пишет? Вэйтинг фор ю...

— А ты как думаешь, кого он вэйтинг?

— Я чувствую, — Юлечка отбросила волосы, все время сваливающиеся ей на лицо, — что не меня.

— Почему?

Юлечка с надеждой посмотрела на меня. Для нее надежда — даже в моем вопросе. Я не успела больше ничего сказать, потому что дверь открылась, и зашел мужчина лет сорока восьми. Больше сорока пяти, но меньше пятидесяти, лучше так сказать, возраст я обычно вижу очень хорошо.

— Я без записи, ага? — Мужчина, не дожидаясь ответа, прошел и сел передо мной.

Не могу сказать, что кабинет психологической помощи как-то концептуально рассчитан на то, чтобы я могла доверительно разговаривать с моими посетителями. Посреди небольшой светлой комнаты с двумя высокими окнами стоит стол, за ним сижу я на белом крутящемся стуле, для посетителей предназначены два стула перед столом. Хотя за год вдвоем ко мне приходили не более пяти пар, из них две — мама с подростком. Большие окна

иногда очень мешают, потому что для людей с внутренними проблемами слишком яркое солнце, сильный ветер, дождь, стучащий об откос, вороны, сороки, воробьи, синицы — это всё дополнительные факторы для раздражения или печали. Под дождь хочется плакать, солнце зовет и манит туда, куда дороги нет, от ветра хочется спрятаться в объятия того, кого уже нет, птицы поют слишком жизнерадостно или кричат слишком мрачно и тревожно. И еще сижу я, подозрительно доброжелательная и спокойная.

Вот и сейчас мужчина сел и первым делом с неприязнью посмотрел в окно за моей спиной, где с самого утра заливались две очень веселые пичужки. И солнца сегодня нет, и ветер с мелким дождем, а они сидят где-то под карнизом и поют о чем-то своем, о птичьем. Или жалуются на жизнь, так же, как мои посетители.

— Не думаю, что вы можете мне помочь, — сказал он и, взяв со стола чистый листок бумаги, стал его складывать. Пополам, еще пополам, еще... Я думала, что он складывает журавлика или самолетик, и терпеливо ждала. Но он свернул лист раз в десять, скомкал остаток, поискал ведро для бумаги, не нашел, подбросил шарик вверх, ударил по нему, как по мячу. Потом проследил взглядом, куда улетел бумажный шарик. И так и продолжал туда смотреть.

— Я постараюсь, — наконец сказала я.

— Бесполезно. Не знаю, зачем я пришел.

— Расскажите, что произошло.

— А ничего. Ни-че-го! Я разорен. У меня нет больше ничего. И трое детей. И еще двое в первой семье. И они хотят есть. Каждый день. А мне нечем их кормить, потому что я поставил на кон всё и всё проиграл.

Я внимательно посмотрела на мужчину. Игрок? Не похоже. Игроков обычный человек глазом из толпы не выпечит. Я тоже могу ошибиться, но в разговоре пойму, если у человека есть такая пагубная страсть — играть, ста-

вя на кон, как выражается мой сегодняшний посетитель, всё, в том числе и жизнь своих детей.

— Расскажите по порядку.

— По порядку? — Мужчина вскинул на меня глаза. — А в чем порядок? В том, что сначала обманули меня, потом я решил тоже обмануть, чтобы хотя бы вернуть свое, и не смог? Вот такой порядок. Вы это хотите услышать? Они — смогли, а я не смог. Даже обмануть не смог!

Я смотрела в глаза человеку, пришедшему, чтобы рассказать о своих проблемах, чтобы с чьей-то посторонней помощью не сломаться под их тяжестью, и не могла поймать его взгляд. Да. Тяжелый случай, а с легкими ко мне, как правило, не приходят. Иногда я думаю, что если бы моя жизнь сложилась по-другому и меня дома ждали бы дети и моя собственная семья, я бы не смогла, наверное, каждый день заполняться чужими проблемами, большей частью неразрешимыми. Чаще всего я могу лишь помочь человеку адаптироваться к новой, более сложной, чем вчера, жизни. Иногда, конечно, находится какой-то выход, которого человек сам не видит. А если не видит — может быть, лично для него это и не выход? Я всегда об этом думаю, когда пытаюсь распутать чьи-то проблемы и помочь.

— Я слушаю вас.

Мужчина посидел еще молча.

— Хорошо, я расскажу. Я пришел, потому что мне некуда идти. Все друзья отвернулись. Потому что я должен каждому, а вернуть деньги не могу. Я могу только повеситься или прыгнуть с моста, привязав к ногам кирпич. Но у меня даже нет страховки на мою собственную жизнь, и мои дети ничего не получат.

— А почему?

— Что — почему?

— Почему нет страховки?

Мужчина удивленно посмотрел на меня.

— А что? Если бы была, то что?

— Ну вы же хотите повеситься или прыгнуть с моста. Тогда пригодилась бы страховка.

Он хмыкнул.

— Вот видите, — сказала я. — Можно ведь застраховаться. И спрятаться в лесу, лет на пять. Потом появиться, сделать новый паспорт и начать жизнь заново.

— Это совет психолога? — Мужчина недоверчиво посмотрел на меня.

Я пожала плечами.

— Я не даю советы.

— «Бесплатная психологическая помощь»!.. И вы не даете советы?

— Нет. Как я могу посоветовать взрослому, дееспособному человеку как-то поступить? Любой поступок — это ваша ответственность. Если вы свободный человек, то вы можете поступать лишь по-своему. Совет, которому надо следовать, это навязывание чужой воли. Моя воля может вам не подойти. — «И сломать вас до конца» — могла бы добавить я, но, разумеется, промолчала.

Мужчина поерзал на стуле. Большой, вполне крепкий, и, если не видеть лица, помятого, измученного, то даже солидный.

На экране моего телефона в беззвучном режиме появились слова «Тот, кто не должен тебе звонить». Мне не хочется, чтобы кто-то из посетителей или Юлечка однажды увидели эти слова. Но мне самой необходимо напоминать себе — он звонить не должен, а ты не должна отвечать. Даже если он звонит. Встает утром, идет гулять с собакой и звонит. Или пишет. Но он больше любит звонить, потому что родился и вырос в то время, когда звонок любимого человека был счастьем. И когда-то для меня тоже его голос в трубке, его дыхание, его смех были самым большим счастьем на свете...

Я встряхнула головой. Как-то сегодня особенно трудно слушать других. Может быть, потому что на улице серая мокрая взвесь, пронизывающий ветер, темно? А должно

быть вообще-то тепло, солнечно и сухо. В конце той недели началось бабье лето и как-то неожиданно свернулось. Пришел арктический циклон и за одну ночь убил все цветы, собиравшиеся цвести до конца сентября, загнал котлов в подвалы, где еще нет горячих труб отопления, раскрасил зеленые листья, едва начавшие желтеть, в ржаво-бурый цвет. Мороз в сентябре. Наверное, с моим состоянием души это очень созвучно. Ведь у меня только брезжит впереди женская осень, она близко или в самом-самом начале, но еще должно быть много теплых дней. Должно быть солнце, ясные безветренные дни, когда не верится, что скоро всего этого не будет. Должно быть, но не всё бывает так, как нам хочется. Не проживешь жизнь по своему собственному сценарию — кто думает иначе, бьется головой больше других.

Я перевернула телефон. Можно просто отключить. Но это слабость. Не запрещаю от мира в своей крохотной капсуле, где никого и ничего нет. «Не прячь голову в песок, хвостик твой все равно снаружи, и все его видят!» — смеялась когда-то мама, когда я трусила и пряталась от маленьких детских проблем.

— У вас какие-то сложности? — Мужчина кивнул на мой телефон.

— Хотите поработать со мной?

Он непонимающе взглянул на меня.

— Хотите посидеть и послушать людей, с чем они приходят?

— Вы издеваетесь?

— Нет, почему? Возможно, вы взглянете по-другому на свои проблемы.

— У меня пятнадцать миллионов долга. Я могу рассчитаться с половиной, продав квартиру и дом.

— Зачем вы брали столько денег в долг?

— А пёрло. — Он ухмыльнулся. — Пёрло! Мне все говорили — тебе везет. А потом перестало переть.

Я посмотрела в его помятое лицо. Если он пришел сюда, в маленький кабинет к незнакомому человеку,

наверное, это последняя соломинка. Или одна из последних. Еще есть церковь. Не помогу я с аргументами логики — пойдет за сверхъестественным. Креста и даже цепочки на шее не вижу, но можно пойти к другому Богу, главное, чтобы там открылась дверь, и кто-то незримый сказал тебе: «Заходи, ты правильно пришел! Здесь можно раствориться и отдаться в руки высшей силы».

— Всё! Больше не прет. Всё улетело в трубу.

— Тем не менее у вас есть квартира и дом.

— Да! — с вызовом ответил он мне. — Есть! Мои дети должны где-то жить!

— Продайте что-то одно.

— Не могу.

— Почему?

Он помолчал.

— В квартире летом жить невозможно.

— Почему?

— Душно. Почти все окна южные. И смотрят на дорогу. Мы живем на центральной улице. Брал в старом доме пол-этажа. Потолки три с половиной метра. Не думал, что будет шумно, окна поставил тройные. Все равно гул, особенно по ночам слышно.

— А сколько у вас окон на дорогу?

— Шесть или семь... Не помню. А что?

— А как живут остальные люди в этом доме?

Мужчина опять крайне недоверчиво посмотрел на меня.

— Мне не кажется, что вы хотите мне помочь.

— Вы хотите сказать, что вам не кажется, что я очень вам симпатизирую?

— Ну вроде того.

— Вы же не за симпатией сюда пришли.

— Уже жалею, что пришел, — сказал он и сделал неопределенное движение, как будто хотел встать. И остался сидеть.

— Не жалейте. Расскажите, что вас мучает.